

2  
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ  
СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

---

На правах рукописи

С. В. БОБОТОВ

ФРАНЦУЗСКАЯ УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ  
ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Автореферат диссертации  
на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

МОСКВА — 1964



no 66

## I.

XXII съезд КПСС констатировал, что одним из проявлений общего кризиса капитализма является «небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод...»<sup>1</sup>.

2802225  
Новейший период развития ряда крупных капиталистических государств и, в частности, Франции, ознаменовался значительным обострением классовой борьбы, стремлением господствующей верхушки буржуазии укрепить существующий политический режим путем всемерного свертывания демократии, отказа от республиканских институтов и традиций и установления авторитарных методов правления, свойственных диктатуре наиболее реакционных кругов монополистического капитала.

Оценивая политическое положение современного капиталистического мира, секретарь Французской Коммунистической Партии Ж. Дюкло писал: «Мы видим, как повсюду проявляется, хотя и в разных условиях и под различными аспектами отступление от демократии, что является характерной чертой капиталистического мира, «свободного мира», где, чем больше говорят о свободе, тем больше пытаются ее ограничить, отстранив народ от всякого реального участия в управлении делами страны.

В этом и выражается усиление политической реакции, сопровождающее глубокий кризис политики, экономики и идеологии буржуазии»<sup>2</sup>.

Государственно-монополистическая стадия развития капитализма характеризуется усилением диктатуры монополистического капитала, вытеснением остатков буржуазно-демократических свобод и ломкой режима буржуазной законности.

Во Франции диктатура подобного рода с 1958 г. воплотилась в форме режима личной власти.

В своей книге «Голлизм и крупный капитал» прогрессивный французский экономист А. Клод писал: «Голлистский режим является своеобразной формой диктатуры крупного ка-

<sup>1</sup> См. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет III. Госполитиздат, М., 1962 г. стр. 246.

<sup>2</sup> J. Duclos — L'avenir de la démocratie, Paris, 1962, p. 194



питала. Этот режим порвал с традиционной буржуазной демократией, но он не является фашизмом... Непосредственное управление страной финансовым капиталом и сведение парламента к подчиненной роли выражают основное и неизменное требование французской буржуазии в фазе государственно-монополистического капитализма, представляющего наиболее развитую современную форму капитализма. Голлистский режим является, таким образом, результатом общего развития французского капитализма после Второй мировой войны»<sup>1</sup>.

С помощью такого режима крупный капитал пытается преодолеть острый кризис своей системы господства и разрешить некоторые назревшие социальные противоречия за счет трудящихся. В то же время голлизм, будучи результатом определенных исторических условий, является выражением слабости французской буржуазии перед лицом пролетариата.

Французская буржуазная печать пытается изобразить голлизм как явление надклассовое, а самого генерала де Голля как сильную личность, выступающую в роли межпартийного арбитра, олицетворяющего всю французскую нацию. Это грубая фальшь и обман.

Режим личной власти есть не что иное, как орудие классового господства, с помощью которого всемерно поддерживается и укрепляется власть крупных монополий путем использования многообразных методов насилия и обмана трудящихся, с применением грубой политической демагогии. В соответствии с этим, генеральный секретарь ФКП Морис Торез, характеризуя голлизм как политическое течение, отмечал: «Французские коммунисты быстро и четко определили природу деголлевской власти. Не дав сбить себя с толку в условиях, когда в политическом положении Франции происходил поворот, связанный с установлением личной власти, они распознали в ней орудие усилившегося господства крупных монополий. При этом они особо подчеркнули значение нового момента в политической жизни страны: все увеличивающегося расхождения интересов монополистического капитала, занимающего командные позиции в экономике и политике, с интересами немонополистических слоев буржуазии»<sup>2</sup>.

О том, как настойчиво деголлевское правительство осуществляло волю крупных монополий, свидетельствует вся его законодательная деятельность. Более чем за пятилетний период своего правления оно провело комплекс законодательных мероприятий по укреплению авторитарного политического режима.

Бурная «реформаторская» деятельность деголлевского правительства в это пятилетие представляла собой реакцию

<sup>1</sup> А. Клод — Голлизм и крупный капитал. М., ИЛ 1961 г., стр. 163.

<sup>2</sup> «Коммунист» 1963 г., № 6, стр. 53.

господствующих классов общества на те глубокие внутренние и внешние потрясения, которые испытывала буржуазная республика во Франции в послевоенный период и которые до основания расшатали ее политические устои.

Законодательные меры правительства были направлены на укрепление государственного аппарата, оформление и закрепление его связей с монополиями и одновременно преследовали задачу ликвидации острой революционной ситуации, грозившей похоронить капиталистический строй во Франции. Именно к такого рода законодательным мерам относятся реформы, осуществленные в области организации государственной власти, в области трудового права, просвещения, налогообложения, финансов, организации обороны и др. В общей системе этих мер важное значение имеет реформа уголовной юстиции, которая была проведена в условиях сложной политической ситуации.

Уголовная юстиция во все времена являлась одной из основных форм осуществления государственного принуждения. В периоды обострения политических кризисов ее репрессивный характер значительно усиливается с обращением всей силы репрессий против трудящихся масс и расширением и усилением беззаконий в деятельности самих органов юстиции.

## II.

Реформа уголовной юстиции, проведенная во Франции в течение ряда лет (1957—1963 г.г.), значительно увеличила возможности применения уголовных репрессий к политическим противникам правительства. Она ознаменовалась расширением компетенции судов и трибуналов по делам о политических преступлениях, введением упрощенных форм расследования и судебного разбирательства, сужением процессуальных гарантий при одновременном расширении полномочий полиции, органов прокуратуры и следствия.

Реформа началась принятием в декабре 1957 г. уголовно-процессуального кодекса и формально завершилась в 1963 г. созданием чрезвычайных судебных инстанций, полностью независимых от правительства и выполняющих задачи подавления политических противников голлистского режима. Бесспорно, что при существовании нынешнего политического режима во Франции можно ожидать и дальнейших реакционных мероприятий в этой области.

Общие тенденции развития современной уголовной юстиции во Франции мало изучены в советской юридической литературе. По этому вопросу имеется изданная в 1946 г. ценная монография проф. Н. Н. Полянского «Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции», в которой исследованы законодательные основы французской уголовной юстиции и

показано падение гарантий личных свобод граждан в уголовном судопроизводстве<sup>1</sup>.

Отдельные вопросы современного французского уголовного процесса рассмотрены в статьях В. И. Каминской и А. И. Лубенского<sup>2</sup>.

В предлагаемой диссертации делается попытка дать комплексное исследование реформы французской уголовной юстиции, показать ее важнейшие тенденции и классовую роль как орудия политической реакции. Именно в этом направлении и рассматриваются в диссертации основные новеллы в области не только уголовного процесса, но и уголовного права и судостройства. Все они исследуются в их тесной взаимосвязи и зависимости от политического строя буржуазной Франции, находящего свое юридическое закрепление в Конституции 1958 г. Внимание акцентируется на исследовании чрезвычайных прав правительства в законодательной сфере и анализе чрезвычайного законодательства в области уголовной юстиции.

При написании диссертации руководством для автора служили программные документы Коммунистической партии Советского Союза и Французской Коммунистической партии, материалы партийных съездов и пленумов ЦК КПСС и ФКП, выступления их руководящих деятелей.

В основу исследования положен нормативный материал, изданный во Франции с 1956 по 1963 год, а также монографии и статьи французских юристов по вопросам государственного права, судостройства, уголовного права и уголовного процесса. В диссертации используются труды прогрессивных французских юристов, одновременно в ней критически рассматриваются теоретические положения, выдвигаемые буржуазными правоведами различных направлений в оправдание официально-пропагандируемых идей в области уголовной юстиции.

### III

Первая глава диссертации «Классовая роль уголовной юстиции и ее связь с политическим развитием буржуазного государства» посвящена характеристике уголовной юстиции

<sup>1</sup> Н. Н. Полянский. Судьба процессуальных гарантий личной свободы во Франции. М.-Л. 1946 г.

<sup>2</sup> См. например, В. И. Каминская — Французское уголовно-процессуальное законодательство на службе реакционных течений — «Советская юстиция» 1964 г., № 1; Новый уголовно-процессуальный кодекс Франции, Информ. сборник «Государство и право зарубежных стран» 1961 г. № 6; А. И. Лубенский — Процессуальное положение обвиняемого в стадии предварительного расследования по новому французскому уголовно-процессуальному кодексу. «Известия высших учебных заведений. (Правоведение)», 1960 г., № 4. Его же — «Свобода личности» в буржуазной Франции (Роль судебной полиции в современном французском уголовном процессе) — «Вестник Ленинградского университета» 1962 г., № 5 (серия экономики, философии и права), выпуск № 1.

во Франции до реформы в 1957—1963 г.г., ее роли в выполнении классовых задач буржуазных правительств.

В этой главе в общих чертах излагаются основные принципы французского уголовного процесса, поскольку они нашли свое законодательное закрепление в нормах кодекса уголовного расследования 1808 г. (Code d'instruction criminelle) и в последующих законах.

Далее показываются причины, вызвавшие реформу уголовной юстиции, и политические обстоятельства, сопровождавшие ее проведение в жизнь. Здесь же вскрываются социально-исторические причины и политические последствия установления во Франции авторитарного режима, анализируются те статьи Конституции 1958 г., которые имеют непосредственное отношение к законодательным полномочиям правительства, равно как и статьи, касающиеся судебной системы и гарантий личности.

В диссертации акцентируется внимание на чрезвычайных правах правительства в законодательной области, показывается преобладающая роль исполнительной власти в сфере законодательства. Наделение правительства законодательными полномочиями на основе статей 38 и 92 Конституции 1958 г. привело к тому, что правительство стало систематически подменять парламент в законодательной области. В частности, реформа уголовной юстиции и введение чрезвычайных форм судопроизводства были осуществлены за спиной парламента, путем издания либо ордонансов, имеющих силу закона, либо правительственных декретов.

Вторая глава диссертации «Судебная реформа 1958 г. и ее антидемократическая сущность» посвящена анализу основных положений новой судебной системы. В ней рассматриваются организационные основы ранее существовавшей и новой системы уголовных судов, раскрываются принципы организации и деятельности суда присяжных, по существу упраздненного и замененного судом шеффенов, хотя и сохранившего свое прежнее традиционное наименование (Cour d'assises).

В диссертации раскрывается зависимость судов и трибуналов от исполнительной власти, что нашло свое нормативное закрепление в правительственных актах, регулирующих профессиональную подготовку магистратов, требования предъявляемые к ним при исполнении обязанностей, порядок функционирования судебной системы и другие вопросы судебной деятельности.

Реформа судоустройства во Франции в основе своей имеет реакционный антидемократический характер. В диссертации делается следующий основной вывод о ее последствиях: реформа привела к 1) дальнейшей централизации судебной системы и зависимости судебного аппарата от исполнительной

власти; 2) сужению компетенции судов общего права и расширению судов с исключительной юрисдикцией; 3) ограничению компетенции и роли суда присяжных, по существу превратившегося в суд шеффенского характера; 4) дальнейшему усилению классовых начал в деле подбора и профессиональной подготовки должностных лиц органов суда и следствия.

В результате судебной реформы произошло отдаление низших судебных инстанций от населения и соответствующее удорожание судебных расходов, что особо затронуло интересы наименее обеспеченных трудящихся лиц.

В третьей главе «Основные направления реформы уголовной юстиции» рассматриваются результаты реформы французского уголовного процесса 1957—1959 г.г. под углом зрения выраженного в ней ограничения гарантий личных свобод.

В этой главе отмечается реакционная роль французской уголовной юстиции, как одной из наиболее острых форм государственного принуждения.

Последовательно исследуются вопросы о соотношении полномочий прокурора и следователя в стадии предварительного следствия, о расширении полномочий префектов и судебной полиции в области расследования уголовных преступлений, о сужении процессуальных гарантий подследственных и обвиняемых по новому УПК, о неравноправном положении сторон в стадии судебного разбирательства и стеснении прав подсудимого вследствие расширения дискреционных полномочий председателя суда.

В главе излагаются также характерные особенности института обжалования приговоров (апелляция, кассация, ревизия) и исследуются нововведения в области криминологии и пенитенциарии, выразившиеся в учреждении специального досье, в котором фиксируются результаты медико-психологического исследования личности преступника и данные о его социальном положении, а также в учреждении должности судьи по применению наказаний с обширными надзорными функциями в отношении осужденного.

Диссертант отмечает реакционные тенденции, отчетливо выраженные в УПК 1958 года. Выдвигая задачу кодификации уголовно-процессуального законодательства, французское правительство рассчитывало не столько произвести расчистку многочисленных нормативных актов, накопленных за более чем полуторавековой период существования кодекса уголовного расследования 1808 года, сколько обеспечить органам уголовной юстиции возможность более эффективно проводить реакционную политику правящих кругов монополистического капитала. Этим, собственно, и объясняется отказ от многих либеральных положений, которые содержались в первоначальном проекте УПК и были включены в него под давлением прогрессивной общественности, благодаря громадным усилиям

парламентариев-коммунистов. Безусловно, в первоначальном проекте УПК, разработанном до прихода де Голля к власти, содержались и положительные моменты в том, что касается четкого определения и разграничения функций органов суда и следствия. Кроме того, проект УПК отличался определенными кодификационными достоинствами, являющимися следствием кропотливой работы многих юристов, в том числе буржуазно-демократического направления.

Особенно важное значение с точки зрения охраны интересов обвиняемого могло иметь введение состязательности в процедуру обвинительной камеры и расширение ее полномочий, как в том, что касается контроля за следствием, так и в решении вопросов предания суду, определения подсудности дела и т. д.

Однако, тот факт, что принцип состязательности проводился в УПК непоследовательно, а также наличие реакционных положений в других институтах УПК и, главным образом, расширение полномочий полиции и прокуратуры в досудебных стадиях процесса, или, например, отмена такого важного процессуального документа как обвинительный акт по делам о преступлениях, подсудных суду присяжных, фактически лишают смысла указанные изменения в деятельности обвинительной камеры. Это особенно заметно в новой редакции УПК, произведенной в соответствии с ордонансом от 4 июня 1960 г.

С другой стороны, процессуальные гарантии, предусмотренные УПК, также были совершенно недостаточными, имели формальный характер и не обеспечивали надежной охраны прав личности в уголовном процессе.

Представители коммунистической фракции в парламенте подвергли многие статьи проекта УПК обстоятельной критике, заявив, что «серьезные изменения в области уголовно-процессуального законодательства, которые крайне необходимы, произойдут в действительности только вместе с глубокой реформой республиканских институтов в социалистическом духе»<sup>1</sup>.

В то же время следует отметить, что официальный докладчик I книги проекта УПК в Совете Республики депутат Шарле, расхваливая проект кодекса в целом, все же вынужден был признать, что комиссия по кодификации не добивалась коренной реформы процессуальных норм, последствия которой, по словам докладчика, невозможно было бы измерить, «более мудро было приспособить старые нормы к новым условиям путем их адаптации»<sup>2</sup>. Эту же мысль высказал и председатель кодификационной комиссии генеральный прокурор при Кассационном суде А. Бессон.

<sup>1</sup> Journal Officiel, Conseil de la République, Débats parlementaires, 1957, 13 déc., N° 63, p. 2207

<sup>2</sup> Ibid., 1955, août, p. 869



Весьма показательной для подлинной характеристики УПК 1958 г. является прежде всего ст. 30, воспроизводящая известную ст. 10 наполеоновского Кодекса уголовного расследования 1808 года. Ст. 30 нового УПК предоставляет весьма обширные полномочия по расследованию политических дел представителям исполнительной власти — префектам. Префекты, — говорится в ст. 30, — могут «в области преступлений и проступков против внутренней и внешней безопасности государства» лично или с помощью полиции совершать «все необходимые действия с целью установления этих преступлений и проступков». Это значит, что префекты имеют право производить аресты, обыски, выемки и другие следственные действия, не будучи при этом хотя бы формально связаны каким-либо контролем со стороны судебных властей. Ст. 30 унаследовала ту позорную роль, которую до нее играла ст. 10 кодекса 1808 г. — служить правящим кругам средством административной расправы со своими политическими противниками.

В УПК были включены положения, дающие право следователям неоднократно продлевать сроки содержания под стражей подозреваемых и сроки предварительного заключения подсудимых. Реакционная направленность УПК 1958 г. выражается и в том, что он предоставил широкие полномочия судебной полиции, должностные лица которой получили право производить задержание не только подозреваемых, но и потерпевших и свидетелей и вообще любых лиц, оказавшихся вблизи от места предполагаемого преступления (ст.ст. 61—63 УПК).

Предоставленное по кодексу 1958 г. судебной полиции право распространять на таких лиц содержание под стражей и принимать другие принудительные меры, без санкции прокурора или следственного судьи, является прямым посягательством на права и свободы граждан.

В диссертации критикуется буржуазная концепция состязательности уголовного процесса. Принцип состязательности получил в УПК 1958 г. лишь декларативное признание, в действительности же, как на предварительном следствии, где спорные вопросы следственного производства передаются на разрешение обвинительной камеры, так и в стадии судебного разбирательства обвиняемый находится в явно неравноправном положении по сравнению органами уголовного преследования. Закон ограничивает случаи, в которых подсудимый может обжаловать действия следователя; заметному сужению подверглись права обвиняемого в стадии судебного разбирательства, тогда как прокурор занимает привилегированное положение на всех стадиях процесса.

При рассмотрении института обжалования по французскому УПК 1958 г., в диссертации подчеркивается неравноправное положение сторон, поскольку закон и здесь сохраняет

за органами прокуратуры неограниченное в порядке и в сроках право на обжалование, в то же время обставляя это право для обвиняемого жесткими рамками многочисленных условий и ограничений.

По делам о политических преступлениях, по которым действует ускоренный и упрощенный порядок судопроизводства, подсудимый вообще лишен элементарных процессуальных гарантий.

В диссертации отмечается, что формы и процедура обжалования по французскому УПК 1958 г. сохранили свои отрицательные, формальные черты, к тому же они подверглись сильному воздействию реакционного чрезвычайного законодательства.

#### IV.

Третья глава диссертации заканчивается рассмотрением V книги УПК 1958 г., посвященной режиму исполнения наказаний.

Включение стадии исполнения наказаний в сферу уголовно-процессуальных отношений—знаменательное явление для деюлевой юстиции. Оно означает наделение так называемых судей по применению наказаний правом изменять характер наказания и исправительный режим осужденных. Судье по применению наказаний согласно УПК 1958 г. (ст. 722 и др.) предоставлены широкие полномочия в части избрания различных форм отбытия назначенного судом наказания, решения вопроса о досрочном освобождении и, главное, о назначении при этом освобождении различных мер наблюдения, которые представляют собой не что иное, как дополнительное наказание, не предусмотренное приговором. Так, согласно декрету от 23 февраля 1959 г., изданному в развитие соответствующих норм УПК 1958 г., в качестве надзорных мер в отношении осужденного, допущенного к испытательному режиму, предусмотрены: явка осужденного по вызову судьи по применению наказания или других компетентных лиц, посещения осужденных такими лицами и проверка ими источников существования осужденного, обязанность осужденного сообщать о перемене им места жительства или работы, о возможном выезде или перемене места жительства.

Декрет предусматривает возможность возложения на осужденного и ряда других обязанностей, например, обязательства проживать в определенном месте, подчиняться мерам контроля, особого режима и т. д.

Французский прогрессивный адвокат Шарль Ледерман писал по поводу различных мер в отношении осужденных, что они предоставляют пенитенциарной администрации возможность ухудшать положение осужденных в тюрьмах, лишая их ряда льгот в зависимости от степени «социальной опасности»

конкретного преступника, т. е. эти меры грозят дополнительным наказанием или удлинением основного наказания, определенного в приговоре<sup>1</sup>.

Буржуазные теоретики провозглашают, что пенитенциарные реформы проводятся, якобы, исходя из гуманных побуждений исправления и перевоспитания преступников, с целью их последовательного восстановления в обществе, т. е. «социальной реадaptации». Эти утверждения насквозь лицемерны, так как в эксплуататорском обществе карательные органы государства руководствуются отнюдь не соображениями гуманности, а соображениями охраны интересов власти имущих. Это ясно вытекает не только из норм УПК 1958 г. и правительственных декретов по его исполнению, но и из данных судебной практики.

В диссертации показывается, что роль уголовного наказания в буржуазном обществе сводится к тому, чтобы духовно и физически подавить личность преступника, его волю и интеллект.

## V.

Поскольку эволюция французской уголовной юстиции не исчерпывается реформой 1957—1959 г.г., в следующей, четвертой главе диссертации, дается анализ позднейшего законодательства в этой области.

В этой главе «Чрезвычайное законодательство в области уголовной юстиции» на конкретном законодательном материале рассматриваются те чрезвычайные методы, с помощью которых деголлевская власть ликвидирует остатки буржуазно-демократических институтов в уголовном процессе, показывается усиление уголовных санкций и ожесточение репрессий по отношению к политическим противникам существующего там режима.

Формы судебно-следственной деятельности в современной Франции связаны с возрастанием роли чрезвычайных средств подавления трудящихся, с использованием «исключительной ситуации» и чрезвычайных законов.

Обращение к чрезвычайной юстиции свидетельствует о слабости капиталистического режима, господство которого поддерживается принудительной силой мощного репрессивного аппарата в лице полиции и исключительных судов, объем полномочий и масштабы деятельности которых непрерывно возрастают, ставя под угрозу элементарные гражданские права и свободы, завоеванные трудящимися в упорной борьбе.

В обоснование этого в диссертации даются ссылки на высказывания французских юристов, большинство которых считают, что чрезвычайная юстиция противоречит национальным традициям, является фактором, углубляющим поли-

<sup>1</sup> См. «Humanité», 5 mars 1959.

тические разногласия в стране и говорит не о силе, а о слабости власти, которая на нее опирается<sup>1</sup>.

В диссертации показываются пагубные последствия введения чрезвычайного положения для формально еще существующих конституционных и судебно-процессуальных гарантий личности. Например, в административной области чрезвычайное положение связано с предоставлением огромных полномочий префектам, которые вправе: запрещать или ограничивать передвижение лиц и транспорта в пределах определенной территории; устанавливать предварительную цензуру и конфисковывать печатные издания; запрещать радио и телепередачи, а также демонстрацию кинофильмов и спектаклей; запрещать собрания, сходки; производить обыски и т. п.

Одним из видов внесудебной расправы с демократической оппозицией является практика административного интернирования, возобновленная на основе ордонанса от 7 октября 1958 г. Применение ордонанса 1958 г. получило значительное распространение. В 1959 году алжирский профсоюзный деятель во Франции Ассанат Идир был интернирован сразу же после того, как военный трибунал, перед которым он предстал будучи обвинен в посягательствах на безопасность государства, оправдал его за полным отсутствием доказательств виновности.

В 1960 г. три прогрессивных адвоката (Вергес, Завриан и Курреже) тщетно добивались защиты судебной власти при их задержании по приказу министра внутренних дел. Им грозило административное интернирование только за то, что они слишком энергично интересовались положением алжирских заключенных во французских тюрьмах. Опасаясь административной расправы, они покинули территорию Франции. «Административное интернирование, — справедливо писал французский правовед Ж. Бурдо, — призванное изолировать и обезвредить индивидов, презюмируемых опасными для безопасности государства, по мнению некоторых, представляет по существу лишь угрозу для невиновных, на которых оно обрушивается»<sup>2</sup>.

В четвертой главе рассматриваются также реакционные новеллы в области уголовного права, где правительство добилось очередного пересмотра уголовного кодекса. В этой области реформа привела:

к дальнейшему увеличению числа составов преступлений путем включения в уголовный кодекс специальной главы о преступлениях и проступках против внутренней и внешней безопасности государства и статей о наказании за преступления против «публичного порядка»;

<sup>1</sup> См. например: R-W Torp-Vues sur la justice, Paris, 1962, p. p. 169, 201; Y-F Jaffré-Les tribunaux d'exception 1940-1962, Paris, 1962, p. p. 337-340.

<sup>2</sup> G. Bardeau—Les libertés publiques, Paris, 1961, p. 130.

к усилению уголовных санкций и всякого рода репрессий уголовного и административного характера по многим категориям преступлений.

Ордонансом от 4 июня 1960 г., изменившим уголовный кодекс в реакционном духе, расширяется и усиливается наказуемость ряда действий, в которых находит выражение борьба прогрессивных демократических элементов против реакционных порядков существующего политического режима.

При этом заслуживает внимания тот факт, что по новому ордонансу область применения смертной казни значительно расширилась. Выделено более 15 составов, подлежащих наказанию смертной казнью. За большинство остальных преступлений, перечисленных ордонансом от 4 июня 1960 г., предусмотрены такие суровые наказания, как пожизненное тюремное заключение и тюремное заключение на срок от 10 до 20 лет.

При характеристике составов преступлений (таких как «организация и руководство мятежными действиями», «умышленная доставка оружия, боеприпасов и снаряжения мятежным группам», «воспрепятствование отправке военных грузов», «деморализация армии или нации с целью нанесения ущерба национальной безопасности», «организация преступных сходок и сборищ» и т. д.) в диссертации показывается, что они подводят юридическую базу под уголовное преследование прогрессивных партий, организаций и отдельных лиц в тех случаях, когда их деятельность расходится с волей правящих реакционных кругов.

В диссертации подвергнута критике официально пропагандируемая доктрина французских юристов о том, что усиление уголовных санкций, особенно по делам о политических преступлениях, и связанный с этим пересмотр УПК 1958 г., были вызваны исключительными обстоятельствами — деятельность вооруженной секретной организации (ОАС) внутри страны, война в Алжире, международная напряженность, — которые одни только якобы и «заставили государственные органы быстро внести в прежнее законодательство значительные изменения, неблагоприятные для личных свобод (ордонансы от 13 февраля 1960 г., 3 июня 1960 г. 4 июня 1960 г., 2 февраля 1961 г., решение президента от 4 мая 1961 г.)»<sup>1</sup>.

Для показа полной несостоятельности и лицемерного характера этого тезиса в диссертации приводятся некоторые статистические данные, характеризующие масштабы преступной деятельности ОАС, в отношении которой правительство проявило поразительное бездействие и снисходительность. В то же время, когда 8 февраля 1962 г. население Парижа, возмущенное разгулом фашистской реакции, организовало массо-

<sup>1</sup> G. Stefani et G. Levasseur—Précis de la procédure pénale, Paris, 1962, p. 77.

вую демонстрацию, то она была подавлена силой оружия, в результате чего было убито 8 парижан и 250 ранено. В заявлении Политбюро французской коммунистической партии от 9 февраля 1962 г. говорилось: «Пролив кровь антифашистов в результате грубого нападения, голлистская власть показала подлинную природу своей политики... Бросив грубую полицейскую силу на подавление народа Парижа, правительство способствовало преступной деятельности» (имеется в виду деятельность ОАС (С. Б.)<sup>1</sup>. 8 февраля 1962 г. министр внутренних дел опубликовал коммюнике, в котором объявил демонстрантов «врагами республики». Он распорядился возбудить уголовное расследование в отношении организаторов запрещенной демонстрации на площади Бастилии. По этому поводу «Юманите» писала: «Не следует забывать, что голлистская власть имеет в своем распоряжении арсенал коварных законов, которые делают возможной организацию любой провокации и перед лицом которых ни на один момент не должна ослабляться бдительность республиканцев»<sup>2</sup>.

1 сентября 1962 г. правительство приняло новый ордонанс «О процедуре разбирательства преступлений, посягающих на публичное спокойствие».

Указанным ордонансом чрезвычайный и упрощенный порядок проведения дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства был распространен на ряд категорий уголовных преступлений, совершенных в пределах территории метрополии. Сюда относятся все преступления против безопасности государства и воинской дисциплины; вооруженный мятеж; объединение злоумышленников и факты помощи и укрывательства, предусмотренные статьями 61, 265 и 267 УК, все преступления в области хранения военных материалов, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; все виды умышленных убийств и изнасилования; умышленные побои и ранения; умышленные поджоги и разрушения, предусмотренные статьями 434, 435 и 437 УК; грабежи и повреждения; кража, вымогательство, хищения и т. д.

Указанный ордонанс грубо попирает элементарные правила уголовного судопроизводства, так как он, в частности, предоставляет прокурору право ограничиваться данными полицейского дознания для направления дел об уголовно-наказуемых деяниях, посягающих на «публичное спокойствие», непосредственно в суды присяжных без проведения по таким делам предварительного следствия.

Тот факт, что указанный ордонанс появился после того, как Алжир добился независимости, делает неосновательными ссылки голлистской власти на чрезвычайные обстоятельства,

<sup>1</sup> «Humanité», 10 février 1962.

<sup>2</sup> Там же.

как предлог для «вынужденного» усиления уголовных санкций и упрощения уголовного судопроизводства.

В действительности же, правительство с самого начала прихода к власти поставило перед собой задачу устранения политической оппозиции, используя уголовную юстицию.

Характерно отметить, что наиболее реакционные меры, развившиеся, в частности, в создании чрезвычайной юстиции (Суд государственной безопасности) были осуществлены в 1963 г., когда деятельность ОАС ни в какой мере не угрожала деголлеву режиму вследствие почти полной солидарности ОАС с правительством. Как раз наоборот, усиление уголовных санкций и развитие чрезвычайной юстиции во Франции следует объяснить стремлением властей заострить внимание карательных органов на борьбе с демократической оппозицией в лице прогрессивных организаций, партий и профсоюзов, последовательно выступающих против режима личной власти.

Нет сомнения и в том, что внутриполитическая ситуация во Франции и чрезвычайные меры правительства в области законодательства благоприятствовали осуществлению этих антидемократических мер.

В диссертации дан анализ чрезвычайных мер в области уголовной процедуры, означавших отказ от большинства оставшихся «либеральных» постановлений УПК 1958 г., особенно в части процессуальных гарантий для обвиняемых. Приведены сведения о функциях и компетенции военных трибуналов и Суда государственной безопасности, также являющегося одной из разновидностей тех многочисленных специальных судов, которые созданы в деголлеву период.

Чрезвычайный характер этих судебных инстанций, широта их полномочий, дополненные значительным расширением юрисдикции по всем политическим преступлениям и проступкам, делает суд одним из основных органов расправы над демократической оппозицией.

В одной из своих статей, опубликованных в газете «Юманите», Шарль Ледерман справедливо отметил: «Если сослаться на официальные заявления, согласно которым опасность со стороны ОАС больше не существует, и если сделать соответствующие выводы из действий властей против демократических норм, то можно закономерно прийти к выводу о том, что «Суд государственной безопасности» будет иметь главной, если не единственной задачей подавление демократической политической оппозиции»<sup>1</sup>.

## VI.

В диссертации показывается как правительство постепенно подчиняло себе судебный аппарат, всячески ориентируя его деятельность на подавление демократии. В современной Фран-

<sup>1</sup> «Humanité», 1 janvier 1963.

ции судебная политика, больше чем когда-либо, составляет часть общей правительственной политики.

Вместе с тем в диссертации подчеркивается, что, посягая на демократические права и свободы граждан, французское правительство в то же время оказывается неспособным противостоять росту преступности, в частности, бороться с бандитизмом и гангстеризмом, обеспечить элементарную безопасность граждан. Наглядный пример этому — скандальное оправдание ряда профашистских молодчиков из ОАС и досрочное освобождение из тюрьмы ее лидеров, генералов-мятежников — Каналя, Жуо, Шаля и Зеллера.

Выступая 19 февраля 1963 г. в Национальном собрании Франции, коммунист Ж. Бюстен решительно указал на необходимость осуществления правосудия над лидерами ОАС, представляющей главную опасность для республики вследствие необычайной снисходительности властей, при этом суд над ними «должны осуществлять народные суды, например, суды присяжных после их демократизации и обновления скамьи присяжных... Правильный путь, — заявил Бюстен, — это путь, уважающий республиканскую законность. Он исключает чрезвычайные суды и законы, основанные на стечении обстоятельств. Он предполагает проведение одновременно и демократической и социальной политики и призыв к массовым действиям в борьбу за защиту республиканского государства».

«В то время как генералы-путчисты, вроде Жуо, Каналя и др., разгуливают на свободе — заявлял депутат Гарсен, — правительство пытается подвести под обвинение в посягательстве на безопасность и авторитет государства любые действия республиканской оппозиции и народных масс»<sup>2</sup>.

Справедливый характер юстиции, очищение органов правосудия от бюрократизма и формализма, возможны лишь при действительном осуществлении народом своих полномочий как в сфере парламентского контроля над правительством, так и в области контроля за всей судебной деятельностью.

Однако для того, чтобы добиться этого в настоящее время, более чем когда-либо необходим тесный союз всех прогрессивных и демократических сил, являющийся условием эффективного отпора натиску реакционной империалистической буржуазии.

Коммунистическая партия Франции на своих съездах выдвинула развернутую программу борьбы масс за демократизацию политической жизни в стране, без чего немислима ни демократизация уголовного правосудия, ни укрепление процессуальных гарантий.

В этой программе записано, что:

— высшая власть в республиканском государстве должна принадлежать представителям народа, избираемым в Нацио-

<sup>2</sup> «Humanité» 20 février 1963.



нальное собрание прямым, тайным и всеобщим голосованием на основе пропорционального представительства;

— правительство должно назначаться Национальным собранием и быть ответственным перед ним;

— профашистские и мятежные организации должны быть распущены;

— префекты должны быть упразднены и вся власть на местах должна принадлежать генеральным советам департаментов и муниципалитетам;

— чистка и демократизация полиции является неотложной задачей;

— судьи должны избираться народом;

— гарантированные законом демократические права и свободы должны соблюдаться<sup>1</sup>.

Программа, намеченная ФКП, является раяльной программой борьбы. «В новой исторической обстановке рабочий класс многих стран еще до свержения капитализма, может навязать буржуазии осуществление таких мер, которые, выходя за пределы обычных реформ, имеют жизненное значение как для рабочего класса и развития его дальнейшей борьбы за победу революции, за социализм, так и для большинства нации...

Рабочий класс, объединяя трудящихся, широкие народные массы, может отбить наступление фашистской реакции, добиться осуществления общенациональной программы мира, национальной независимости, демократических прав и известного улучшения жизни народа»<sup>2</sup>.

Мужественный и свободолюбивый французский народ добьется восстановления республиканских институтов, демократических прав и гарантий, за торжество которых рабочий класс Франции на протяжении своей героической истории пролил много крови и принес так много жертв.

\* \* \*

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Кодификация и систематизация законодательства во Франции в 1956—1957 г.г. («Советское государство и право» 1958 г., № 8, в соавторстве с А. И. Лукьяновым).

2. Судебная реформа в Пятой республике («Советская юстиция» 1959 г., № 4).

3. Дальнейшее расширение полномочий полиции и ограничение личности по уголовно-процессуальному кодексу Франции («Советское государство и право» 1959 г., № 10, в соавторстве с Э. Ф. Шейно). Рецензия на указанную статью опубликована во французском журнале *L'URSS et les pays de l'Est* 1960 г. № 4

4. Реакционные тенденции в развитии французского уголовного права и процесса («Советское государство и право» 1962 г., № 5).

5. Чрезвычайная юстиция во Франции («Социалистическая законность» 1964 г., № 2).

<sup>1</sup> «France Nouvelle», 1962, 24 octobre, N 888, p. p. 20-21.

<sup>2</sup> Программа Коммунистической партии Советского Союза, М. 1961, стр. 37.